

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

КУЛЬТУРА НАРОДОВ ВОСТОКА

Материалы и исследования

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ АРАБСКОЙ КУЛЬТУРЫ V–XV вв.

Издательство «Наука»

Главная редакция восточной литературы
Москва 1982

9(М)1
О-95

ВВЕДЕНИЕ

Редакционная коллегия

*А. Н. Болдырев, И. С. Брагинский, А. Е. Глускина, О. К. Дрейер,
И. М. Дьяконов, А. Н. Кононов, А. Д. Литман, В. Г. Луконин,
Ю. А. Петросян (председатель), Б. Б. Пиотровский, В. М. Солнцев,
О. Л. Фишман (отв. секретарь), Е. П. Чельшев*

Ответственный редактор

О. Г. Большаков

Очерки истории арабской культуры (V—XV вв.).
О-95 М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1982.

440 с. («Культура народов Востока»).

Книга представляет собой серию очерков, посвященных разным сторонам истории арабской культуры в средние века и написанных группой арабистов Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР. В них рассказывается о строе арабского языка, о рукописных арабских книгах и библиотеках в средние века. Значительное место уделено жизни средневекового арабского города и идеологии горожан.

О 4402000000-141 228-82
013(02)-82

9(М)1

© Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1982.

Тринадцать с половиной веков назад арабы, объединенные исламом, новой религией, возвещенной Мухаммадом, вышли из пределов Аравийского полуострова на широкую историческую арену. При преемниках Мухаммада, халифах, они создали огромное государство, протянувшееся от Пиренеев до Инда, в котором впервые со времен Александра Македонского объединились Запад и Восток, эллинистическое Средиземноморье и индо-иранский мир.

Поначалу каждая страна внутри Халифата продолжала жить прежней жизнью: продолжало действовать старое право, и прежние чиновники на тех же языках вели переписку и налоговые списки — кадастры, собирая по старым обычаям налоги для новых властителей. Монетные дворы продолжали чеканить монету с изображениями византийских императоров и сасанидских царей, добавляя лишь имя халифа или наместника и какую-нибудь религиозную формулу вроде «во имя Аллаха». Но уже в конце VII — начале VIII в. появился совершенно новый тип монеты, стала складываться новая административная и налоговая система, арабский язык вытеснил все прочие из делопроизводства центральных и местных учреждений и начал проникать в быт завоеванных народов. Правда, пока арабы оставались привилегированным народом, арабизация шла медленно, так как ни арабская речь, ни принятие ислама не делали другие народы равными им.

Когда же с воцарением Аббасидов¹ все мусульмане (в меру их социального положения) уравнились в правах, во всем Халифате начались интенсивная исламизация и распространение арабского языка, на котором был возвещен Коран и передавалось религиозно-правовое предание (сунна). В западной части Халифата, начиная с Месопотамии, он постепенно становился родным для все большего числа местных жителей, которые, приняв ислам, через два-три поколения переставали отделять себя от арабов (тем более что в ту пору религиозная принадлежность зачастую значила больше, чем национальная). Таким образом, к моменту распада

¹ Вторая династия халифов (750—1258).

Аббасидского Халифата во второй половине IX в. его западная часть была бесповоротно (хотя еще и не окончательно) арабизирована. Небольшие группы завоевателей не растворились в преобладающей массе завоеванных, а дали начало новой народности, которая в равной мере была потомком и наследником как аравийских арабов, так и народов арабизированных стран.

Но арабский язык создал и другое единство: оставаясь в течение всего IX века единственным литературным языком всех исламизированных народов, он способствовал их сближению и возникновению того комплекса родственных культур, который обычно называют «мусульманской культурой». Конечно, его создало не только взаимопонимание, обеспеченное общим литературным языком и религией, или безопасность передвижения внутри Халифата. Для этого имелась благоприятная почва, подготовленная эллинизмом. Новое культурное единство в какой-то мере продолжило в совершенно новых условиях традиции эллинизма, и арабский язык в значительной степени сыграл ту же роль, что некогда греческий.

Это единство не распалось с расколом Халифата на множество враждовавших государств и появлением нового литературного языка (дари-фарси) в Иране и Средней Азии. Арабский продолжал безраздельно господствовать в сфере науки, светской и религиозной, все так же обеспечивая взаимопонимание всех образованных людей и накопление общего культурного фонда.

Особенно большое значение имели научные достижения этой культуры. Благодаря переводам на арабский язык ученые Халифата получили возможность соединить в своих трудах научное наследие эллинизма и достижения индийской науки, прежде недоступные в Средиземноморье. На этой базе совместными усилиями ученых разных народов в IX—X вв. были разработаны новые разделы математики (алгебра и тригонометрия), значительно развиты астрономия, химия, медицина и философия (не говоря уже о гуманитарных науках, имевших более узкое национальное значение). До второй половины XI в. наука на арабском языке шла в авангарде мировой культуры, но затем ее развитие резко замедлилось. По времени это совпало с началом экономического подъема Европы и крестовыми походами.

Но именно в тот момент, когда Европа потеснила арабский мир в Средиземноморье, изгнав арабов из Сицилии и значительной части Испании и захватив гегемонию в морской торговле, арабская наука завоевала из Испании Западную Европу, которая к этому времени созрела для ее восприятия.

6 Между глухим средневековьем и Возрождением пролегла

«великая эпоха переводов» (см. [54, 84—86]), когда европейская наука черпала знания из сочинений мусульманских ученых IX—XI вв. на арабском языке, ставших трамплином для прыжка Европы в новое время.

По мере того как развивалась Европа, падало мировое значение арабских стран. Получив начальный толчок, европейская наука перестала интересоваться тем, что происходило в научной жизни Востока. Когда же в начале XVI в. весь арабский мир был поглощен Османской империей, центром культурной жизни западной половины мусульманского мира сделался Стамбул и турецкий язык мало-помалу начал теснить арабский в официальной сфере, могло показаться, что самостоятельное значение арабской культуры стало достоянием истории.

Триста лет турецкого владычества и различия исторических судеб удаленных друг от друга арабских стран, попадавших в сферы влияния различных европейских держав, должны были привести к созданию нескольких родственных по языку и происхождению арабских народов, подобно тому как сложились германские, тюркские и славянские народы. Процесс этот был тем более естественным, что расхождение разговорных диалектов разных стран зашло довольно далеко, а единый литературный язык к XIX в., когда стало возрождаться национальное самосознание арабов, остался на уровне средневековья и мало отвечал потребностям нового времени, к тому же он был мало понятен неграмотному большинству арабов. Поэтому в начале нашего века не раз предпринимались естественные попытки превратить диалекты в письменные языки.

Однако историческое прошлое оказалось мощной силой современности. Стремление арабов сохранить взаимопонимание, сознание единства, подкрепленное общностью целей в борьбе за национальную независимость, гордость своим прошлым, от которого они оторвались бы, отказавшись от классического литературного языка, совершили, казалось бы, невозможное: средневековый язык, обогащенный новой лексикой, оказался в состоянии обеспечить потребности новой эпохи и в нем нашлось достаточно гибкости и живости, чтобы для многих современных понятий обойтись без заимствований. Он не только выжил, но и стал возвращать себе позиции там, где в долгие годы колониального владычества был вытеснен языком колонизаторов.

Это не значит, конечно, что проблема соотношения разговорных диалектов и несколько искусственного арабского литературного языка полностью разрешена. Она решится в зависимости от степени реального единства арабского мира в 7

будущем и удельного веса культурного наследия, зафиксированного этим языком, в современной культуре арабского народа.

Арабский мир меняется на наших глазах: он не тот, что был четверть века и даже пять лет назад. Неизмеримо выросло его значение в мировой экономике и международной политике; после национализации нефтедобычи многие арабские страны из данников империалистических держав начали превращаться в кредиторов; в них развиваются современная наука и индустрия, литература и искусство, все меньше становится удельный вес средневекового наследия. Но пока еще в наши дни культурное наследие, восходящее к далекой поре Халифата, составляет живую, действенную составную часть культуры арабских стран, и понять ее особенности очень трудно, не зная ее прошлого. Это в значительной мере справедливо и в отношении культуры других мусульманских народов, восходящих к этой же общности.

Как мы видим, существует несколько важных причин интересоваться историей арабской культуры в далекое от нас время.

Блестящая эпоха Халифата всегда привлекала внимание востоковедов — сначала контрастом пышного быта халифских столиц и примитивной жизни средневековой Европы того же времени, а затем влиянием, которое оказала на нее арабская наука IX—XI вв. Разрозненные исследования истории, религии и литературы Халифата были сведены воедино немногим более ста лет назад А. Кремером в «Истории культуры Востока при халифах» [168], впервые употребившим новый в то время термин «история культуры» к восточному средневековью. Под «историей культуры» разумелось описание различных сторон жизни общества (в том числе литературной и религиозной) в отличие от описания событий, чем занималась просто «история». Венцом этого жанра исследований описательного характера явилась широко известная у нас теперь благодаря русскому переводу книга А. Меца «Мусульманский Ренессанс» [42].

За указанное столетие появилось множество книг, посвященных разным сторонам арабской культуры средневековья — мусульманской идеологии и арабской архитектуре, философии и поэзии, градостроительству и астрономии, живописи и праву, — обобщающих трудов и скрупулезных монографий по частным вопросам, но во всех исследованиях историко-культурного характера арабская культура расплывается в широком понятии мусульманской культуры [51; 131; 133; 151; 155; 159; 161; 175].

8 Тем более не различали этого арабские ученые, которые

с начала нашего века перед лицом интенсивного наступления европейской науки, техники и образа жизни стали мучительно задумываться над судьбами своей культуры и ее ценности в совершенно новых условиях. В расцвете науки IX—XI вв. они искали подтверждения творческих способностей своего народа и противопоставляли бездушности технологической цивилизации современной им Европы более высокую, по их мнению, духовность, демократичность и человечность ислама [71; 75; 68; 90; 91; см. также: 53; 148; 149].

На том этапе для арабских ученых важно было отстоять достоинство всего угнетенного Востока и найти моральное обоснование права на духовную и политическую независимость. При этом весь мусульманский мир противопоставлялся всему Западу и всячески подчеркивалось единство мусульманской культуры. Проблемы выделения из нее арабской культуры не возникало: коль скоро арабы внесли в нее главное — ислам, то все, что было связано с исламом и арабским языком, безоговорочно относилось к арабской культуре. Ни культурное наследие арабизированных народов, ни влияние его на формирование идеологии ислама не учитывались.

С развитием национально-освободительного движения и проникновением в его идеологию современных, в том числе социалистических и коммунистических, идей передовым умам в арабских странах стало ясно, что важно не приспособление ислама к новой технике и научным знаниям, а достижение экономической независимости, решение социальных проблем, борьба с неграмотностью и нищетой. Меняется и понимание истории арабской культуры: с завоеванием политической независимости усиливается патриотизм отдельных арабских стран и появляется тенденция безоговорочно считать древние цивилизации на территории нынешних арабских стран арабскими, поскольку их создали предки ныне живущих здесь народов.

Сложность определения границ понятия «арабская культура» заключается не только в том, что вокруг самого понятия «культура» ведутся споры и предлагаются сотни формулировок [35; 38; 104; 170], но и в особенностях формирования средневековой арабской культуры.

Во-первых, в период формирования средневековой арабской народности длительное время существовало осязаемое различие между чистыми арабами, которые в значительной части продолжали кочевать в степях или, осев в городах и оазисах, продолжали ощущать племенное родство, и арабизированным местным населением, внесшим значительный вклад в создание новой культуры. Для первых, при всем вос-

приятни нового, своим оставалось в первую очередь аравийское наследие, внесенное в общий котел формирующейся средневековой арабской культуры: поэзия, племенные предания и как новшество — ислам, а те научные достижения, которые мы прежде всего вспоминаем, говоря об арабской культуре, ощущались чужими, «науками древних». Для вторых же, при всем принятии ислама, арабского языка и внешних примет арабизации, ближе всего были местные бытовые, этические и правовые традиции, которые постепенно преобразовывали ислам. В самый блестящий период развития культуры Халифата субъективный признак различия «наше» и «не наше» для формировавшейся арабской народности еще не приобрел четких очертаний.

Во-вторых, если даже мы согласимся считать арабской всю мусульманскую культуру арабизированных к XI в. стран, то остантся еще проблема разграничения ее с одновременной иранской и среднеазиатской. Важнейший критерий — язык в данном случае не может помочь, так как арабский долгое время был языком науки и религии для всех народов, принявших ислам. Нечто подобное наблюдалось и в средневековой Западной Европе, но там латынь была этнически нейтральна, она принадлежала всем и — никому, а арабский был языком живого народа, который естественно воспринимал все, что писалось на этом языке, как свое. Поэтому труды средневековых иранских и среднеазиатских ученых, написанные по-арабски, являясь бесспорным достоянием соответствующих национальных культур, одновременно принадлежат и арабской культуре.

Особенно трудно провести такое разграничение в естественных науках, исследующих объективные явления, не зависящие от языковой среды и этнического самосознания. В области гуманитарных наук оно обычно проводится проще, но в случае с арабской культурой мы оказываемся в более трудном, чем обычно, положении. Наиболее характерная ее сторона — ислам — рождена в арабской среде, но разрабатывалась учеными разных народов. Для правоверных мусульман ислам IX—XI вв. — то же чисто арабское вероучение, которое было возведено в 610—632 гг. в Мекке и Медине, поэтому вопрос о его национальной характеристике не возникает. На самом же деле к указанному периоду совместными усилиями правоведов и богословов разных народов была создана религиозно-правовая доктрина, заметно отличавшаяся от первоначального ислама, но вклад в нее средневековой арабской народности, отличия арабского ислама, например от иранского, остаются малоизученными.

10 Самым специфическим проявлением средневековой араб-

ской культуры оказывается художественная литература, особенно поэзия, которая даже для самых образованных неаравов всегда оставалась чужой, хотя они выучивались мастерски подражать ей. К сожалению, арабская литература также изучена плохо. Неспециалиста может обмануть существование нескольких солидных трудов, в названии которых входит слово «литература», но на самом деле под ней разумеется вся письменная продукция на арабском языке, и знаменитая «История арабской литературы» К. Брокельмана всего лишь подробнейший библиографический справочник [108; ср. 145]. Есть еще некоторое количество популярных работ, посвященных литературе в более узком смысле слова, но они дают самое общее представление, склоняясь к перечню авторов с небольшим количеством образцов переводов [18; 31; 32; 55; 190].

До сих пор мы не знаем различия вкусов представителей разных классов в арабской поэзии и отражения в ней их взглядов² (сатиры, имеющие очень личный характер, не в счет, ибо они часто оказываются оборотной стороной плохо оплаченных панегириков); совершенно не изучена общая направленность ее и отличие, например, от персидской. Мы не можем ответить, почему арабская поэзия не разработала жанра поэмы, столь характерного для персидской поэзии, превратившей арабскую историю любви Маджнуна к Лейле в прекрасную поэму, тогда как арабы довольствовались традиционной формой сборника поэтических отрывков с пояснительным прозаическим текстом. Точно так же как неясно, почему самое известное в Европе произведение средневековой арабской литературы — сборник сказок «Тысяча и одна ночь», родившийся на индо-иранской основе, приобрел классическую форму именно в арабском мире.

Средневековая арабская культура формировалась параллельно с образованием новой арабской народности, но мы очень мало знаем о формировании ее самосознания и отражении его в литературе и историографии. А без этого арабская культура как цельное, взаимосвязанное явление рассыпается на необозримое количество хорошо или плохо изученных частных частей³.

Исследователь арабской культуры стоит перед трудной проблемой: понять ее можно только в комплексе, но сама культура столь обширна по территории и времени распро-

² Для средневековья вряд ли возможно ставить вопрос о столь резком различии «двух культур», как в эпоху развитого капитализма [3, 24, 120—121, 129].

³ Только для отдельных областей с четкими историческими и географическими рамками удастся успешно решить эту задачу (ср. [126]).

странения, представлена таким океаном письменной продукции, что охватить в одиночку все это не под силу никому, а при специализированных исследованиях утрачивается цельность здания. Помочь в этом могут только усилия больших коллективов, в которых глубина исследований будет сочетаться с отчетливым представлением, частью какой общей конструкции является обрабатываемая деталь.

Предлагаемые вниманию читателей «Очерки» не претендуют на всестороннее освещение истории средневековой арабской культуры, они касаются лишь тех ее аспектов, которые в течение многих лет изучались группой сотрудников сектора Ближнего Востока Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР. Они, конечно, очень неполно характеризуют арабскую культуру средневековья: в них не затрагиваются история ислама, архитектура и прикладное искусство, философия и точные науки, но авторы и не пытались в сравнительно небольшой по объему книге бегло сказать обо всем. Возможно, в дальнейшем, продолжив эту работу, удастся дать более полный оригинальный исследовательский обзор арабской культуры, а пока мы постарались уделить основное внимание проблеме начала ее сложения: формированию исторического сознания арабов-кочевников от периода племенной раздробленности до момента образования средневековой арабской народности и возникновения письменной истории (второй очерк), арабскому языку как носителю этой культуры и арабской книге (первый и четвертый очерк), арабскому городу как среде, в которой синтезировалась средневековая арабская культура (третий очерк).

Авторы старались не перегружать изложение ссылками и примечаниями, не злоупотреблять специальными терминами, чтобы облегчить понимание рассматриваемых вопросов для неспециалистов⁴, но при этом подавляющее большинство очерков являются оригинальными исследованиями, в которых предлагаются новые точки зрения и концепции, не изложенные прежде с такой определенностью в специальной литературе или вообще не рассматривавшиеся. Это позволяет нам надеяться, что наши очерки будут интересны и для арабистов.

О. Большаков

---

⁴ Поскольку в нашей книге рассматривается период средневековья и все имена собственные даются в традиционной востоковедной транскрипции (за исключением имен халифов Омара и Османа), то во избежание разнобоя все средневековые географические названия приводятся в той же транскрипции.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Очерк первый. Арабский язык. <i>А. Б. Халидов</i>	13
Очерк второй. Развитие исторического сознания арабов (VI—VIII вв.). <i>П. А. Грязневич</i>	75
Очерк третий. Средневековый арабский город. <i>О. Г. Большаков</i>	156
Очерк четвертый. Книжная культура. <i>А. Б. Халидов</i>	215
Очерк пятый. Бедуины и горожане в <i>Мукаддима</i> Ибн Халдуна. <i>С. М. Баццева</i>	311
Очерк шестой. Арабское мореплавание. <i>Т. А. Шумовский</i>	357
Цитированная литература	412
Указатель имен	421
Указатель географических названий	428
Указатель терминов	436

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ АРАБСКОЙ КУЛЬТУРЫ V—XV вв.

Утверждено к печати Институтом востоковедения Академии наук СССР

Редактор *Л. В. Негря*. Младшие редакторы *Г. С. Горюнова*, *Е. В. Степанова*.
Художник *Э. Л. Эрман*. Художественный редактор *Б. Л. Резников*. Технический редактор *Г. А. Никитина*. Корректор *М. Э. Шафранская*

ИБ № 14596

Сдано в набор 19.03.82. Подписано к печати 13.09.82. А-10869. Формат 60×84¹/₁₆.
Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 25,58. Усл. кр.-отг. 25,93. Уч.-изд. л. 29,07. Тираж 10000 экз. Изд. № 5113. Зак. 194.
Цена 1р. 90 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука».
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука». Москва Б-143, Открытое шоссе, 28.